

Марина
СЕРОВА

*Тот, кто не умеет
прощать*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Тот, кто не умеет прощать
Серия «Русский бестселлер»
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63059981

Тот, кто не умеет прощать / Марина Серова: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-116769-1

Аннотация

Известный предприниматель Андрей Павлов найден убитым в своем загородном доме. По подозрению в убийстве задержан молодой любовник вдовы бизнесмена, Виталий Суриков. Однако дочь погибшего, Настя, уверена, что преступление совершила ее собственная мать, Марина. Частный детектив Татьяна Иванова выясняет, что у многих в окружении Павлова был серьезный мотив для убийства. Удастся ли ей вычислить преступника?

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Сергеевна Серова

Тот, кто не умеет прощать

© Серова М.С., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

© faestock / Shutterstock.com

Глава 1

«Дорогая Таня! Я очень рада, что мы наконец-то увидимся! Как говорится, Бог троиху любит. В третий раз уже точно должно получиться! Правда же??? Я купила три совершенно отпадных купальника и к ним еще всякого-разного. Все в стиле Карибов, чтобы вписаться в пейзаж! Если ты не успеешь подготовиться, поделюсь, так и быть, одним или даже двумя! Только приезжай!».

Я сидела за ноутбуком и с грустью перечитывала письмо от Вероники Светловой из Москвы – моей хорошей знакомой, с которой мы пересекались несколько лет назад в одном из расследований. И все эти годы Вероника с упорством, достойным лучшего применения, уговаривала меня съездить с ней в Пуэрто-Рико.

Будучи заядлой путешественницей, Вероника объездила уже не один десяток стран, но Пуэрто-Рико берегла для нашей с ней совместной поездки, на которую я неосторожно согласилась когда-то.

Не то чтобы меня не устраивала ее компания, Вероника – чудесная молодая женщина, симпатичная, активная и перманентно позитивно настроенная. И понежиться в синих водах Карибского бассейна я тоже совсем не против. Особенно когда в Тарасове в разгаре поздняя осень со всеми ее «пре-

лестями». Но...

Это «но» возникает словно ниоткуда и безжалостно сметает все задумки, словно цунами на тех же Карибах.

В третий раз отказывать Веронике было уже попросту неудобно.

«Но, похоже, придется», – со вздохом констатировала я и начала писать покаянный ответ.

Может быть, кому-то я покажусь излишне меркантильной, но когда речь идет о 10 000 баксов плюс оплата накладных расходов, поневоле приходится выбирать между отдыхом и солидным гонораром. Тем более что отдых можно отложить, а вот гонорар ждать не будет и уплывет безвозвратно, как уплывают за горизонт белые барашки в Карибском море.

К тому же дело, с которым ко мне обратилась последняя клиентка, представлялось не особенно сложным, и шанс на поездку в тот момент выглядел вполне реальным. И, что греха таить, с деньгами – оно ж веселее везде, тем более на Карибах.

* * *

А клиентка в тот день пожаловала ко мне занимательная. Из категории тех, кто не забывается и кого упоминаешь в мемуарах.

Семнадцатилетняя Настя Павлова явилась без предвари-

тельного звонка.

Утром я как раз занялась подбором гардероба к предстоящей поездке, правда, делала это с ленцой, будто чувствовала, что не стоит зря тратить усилия.

В дверь позвонили и сразу постучали, что меня очень удивило и немного встревожило. В наши дни без предупреждения и минуя домофон люди могут попасть в квартиру только в каких-нибудь экстренных ситуациях.

Посмотрев в глазок, я увидела на лестничной площадке миниатюрную девушку в темной бесформенной куртке и высоких сапогах. Лица, скрытого за капюшоном, я рассмотреть не смогла.

«Может быть, соседка?» – промелькнуло у меня в голове.

Я открыла дверь и молча встала на пороге.

– Вы – Татьяна Иванова? – раздался из капюшона хрипловатый, словно простуженный голос.

– Она самая, – ответила я и замолчала в ожидании продолжения.

Девушка скинула капюшон и представила миру в моем лице миловидное личико, обрамленное рыжими локонами. Отсутствие косметики и следов парикмахерских ухищрений наводило на мысль, что девушка целиком полагается на мать-природу.

И не зря, подумалось мне, в ней было свое особенное очарование. Зеленые глаза цепко оглядели меня, пухлые розовые губки растянулись в легком подобии улыбки, и девушка

проговорила чуть более звонким голосом:

– Добрый день. Я Настя Павлова, то есть Анастасия, – поправились она и сделала движение, словно собираясь войти в квартиру.

Но, увидев, что я не двигаюсь с места, она замерла и даже как будто немного растерялась.

– Я узнала ваш адрес от Дениса Бронникова, помните такого?

Услужливая память как по команде выдала образ юного айтишника Дена, с которым мы, можно сказать, подружились на одном из моих дел. Парнишка мне тогда здорово помог и оставил о себе самые лучшие воспоминания.

– Проходите, – посторонилась я, впуская девушку. – А что же он не дал вам моего телефона?

– Он хотел, но я отказалась, решила, что будет лучше, если я к вам приду.

– Это почему же? – Я протянула Насте тапочки и приняла от нее куртку.

– Я боялась, что по телефону вы мне откажете. Скажете, что я слишком молодая или что-то в таком духе.

Я улыбнулась против воли и провела гостью в комнату.

– Но я хоть и молодая, но платежеспособная, – с жаром добавила Настя, не спеша садиться в кресло.

Взгляд ее круглых зеленых глаз, опущенных темно-рыжими густыми ресницами, просто обезоруживал.

Продолжая улыбаться, я усадила девочку и устроилась на-

против.

– Это не может не радовать. Вам сколько лет? Семнадцать?

– Да, семнадцать, но я уже учусь в институте!

– Рассказывайте, Настя, что вас ко мне привело.

Девушка, явно повеселев от моего вполне радушного приема, перестала хмуриться и, поерзав в кресле, занимая удобное положение, начала говорить:

– Неделю назад мы похоронили моего папу.

– Примите соболезнования, – вставила я.

– Спасибо, – голос Насти снова перешел на хрип.

Было видно, что она, как ни пытается это скрыть, сильно переживает.

– Так вот. Мой папа – Андрей Павлов, владелец сети автосалонов «Авторай». Это...

– Это самая крупная сеть в нашем городе, – договорила я за Настю.

Убийство одного из крупнейших предпринимателей Тарасова, Андрея Анатольевича Павлова, разумеется, не прошло для меня незамеченным. Слишком крупная фигура, да и к тому же, судя по скупым новостным сообщениям, происшествие было окутано массой непонятных нюансов.

Мне вспомнилось, что оно каким-то боком связывалось с предстоящими выборами депутатов городского Законодательного собрания.

Мой интерес к рассказу Насти резко возрастал.

– Да, папу постоянно называли «автокоролем», а меня дразнили с первого класса «автопринцессой» и другими дурацкими прозвищами в таком роде.

Мне стало понятно, что девушка не только не гордится своим «мажорством», а наоборот, оно ее обременяет. Теперь ясно, почему она так неказисто одета – ей меньше всего хочется привлекать к себе внимание, в котором у нее и так недостатка нет.

– Насколько мне известно из новостных порталов, – сказала я, – убийцу, предположительно, нашли.

– Вот то-то и оно, что предположительно! – с жаром воскликнула Настя, подскочив в кресле. – Обвинили Виталика! Но он не мог этого сделать! Никак не мог! Его подставили, потому что он самый... – Настя прикусила губу, подыскивая нужное слово. – Самый безответный, беззащитный!..

На глазах девочки навернулись слезы.

Тут уж не надо было иметь психологического образования, чтобы понять, что этот Виталик очень важен для Насти, скорее всего, здесь замешаны пылкие девичьи чувства.

Я молча встала, прошла к холодильнику, вынула бутылочку с водой и протянула Насте.

По своему опыту мне отлично известно, что это самое первое средство, чтобы помочь клиенту справиться с эмоциями. Чего только не наслушались стены моей квартиры...

Сделав пару глотков, Настя слегка успокоилась и по моей просьбе стала рассказывать обо всем по порядку.

Девушка она была толковая, и даже взвинченное состояние не мешало ей связно выражать свои мысли – ценное качество.

– Официальная версия такая – мне ее вчера следователь озвучил: папа во внеурочное время приехал в загородный коттедж, где в это время его жена проводила время с любовником. Застав их за изменой, он устроил скандал, как всегда бывает в таких случаях. Схватил ружье, завязалась борьба, и Виталий вырвал ружье и выстрелил в папу. Вот так решили следователи, но это все полная... фигня!

Настя стиснула ручки кресла и сделала несколько глубоких вдохов.

Умничка, стрессоустойчивости ей не занимать, отметила я с одобрением.

– У тебя... можно на «ты»? – Настя поспешно кивнула. – У тебя есть своя версия происшедшего? – спросила я.

Она снова закусила губу и отрицательно покачала головой.

– Точно я сказать не могу. Но если уж выбирать между Виталием и... матерью, то это, конечно, она убийца!

– Чьей матерью? – уточнила я, отметив, что при упоминании матери лицо девушки исказилось ненавистью.

– Моей, – сквозь зубы процедила она, отводя от меня глаза.

– Настя, я правильно понимаю, что Виталий – любовник твоей матери?

Она кивнула, зажмурившись, чтобы остановить слезы.

– У вас с ним хорошие отношения? Я подозреваю даже, что лучше, чем у вас с вашей матерью, так?

– Да! – Настя уже не пыталась сдерживать слезы. – Виталий – очень хороший парень. Он меня любит, а от нее просто не может отделаться. Он никогда бы не пошел на убийство. Даже если бы папа начал его избивать, он не стал бы ружье хватать. Виталий – мастер спорта по рукопашному бою, он одним мизинцем левой руки мог бы папу успокоить и не причинить ему вреда. Тем более папа не больно-то спортзал посещал. Мой папа не такой человек, чтобы вот так бросаться на ружье, он столько всего прошел в девяностые...

– То есть ты думаешь, что это твоя мать могла схватить ружье и застрелить отца?

– Эта могла! – процедила Настя.

По роду своей деятельности мне доводилось видеть разное. И непримиримая ненависть между самыми близкими родственниками, увы, встречалась мне нередко. Но сейчас, глядя на милое лицо совсем молоденькой девочки, которое при упоминании матери искажалось яростной злобой, я испытывала легкий ужас.

– Настя, расскажи мне о маме. Как я вижу, между вами нет взаимопонимания?

– Это мягко сказано! – усмехнулась Настя. – Я бы мечтала, чтобы она не была мне родной, но мы с ней так похожи, что и генетическая экспертиза не нужна. Внешне похожи, –

добавила она, – характеры у нас совсем разные.

– Расскажи мне о ней, – попросила я, прекрасно понимая, что история будет долгой. Но в душе я уже приняла решение взяться за это дело, поэтому никуда не спешила, пытаюсь выведать максимально полную информацию.

– Да что там рассказывать! – Настя передернула плечами. – Я уже лет в девять поняла, что моя мать – плохая женщина, и вовсе не обязаны мать и дочь друг друга любить.

– Она плохо относилась к тебе?

– Да она никак ко мне не относилась. Знаете, как читаешь в книжках про дворянские семьи, когда няньки на полчаса в день ребенка приводили к родителям. У нас было точно так же, только меня приводили не раз в день, а раз в неделю. Я с детства с нянями да гувернантками... Мамаша даже с днем рождения меня не удосуживалась поздравить. Представьте, полный дом гостей, шарик, артисты, а мама в это время в очередном СПА зависает. Просто игнорировала меня, как будто я – пустое место. Я думала, так и положено. Но потом, когда пошла в школу и завела подруг, увидела, что у них в семьях совсем все по-другому. Мамашки постоянно в школе торчат, одноклассники жаловались, что житья нет от материнской опеки. А я не понимала, как это? Моя мать была каким-то абстрактным, почти мифическим существом. Вроде есть, а на самом деле можно сказать, что и нету. В общем, лет в восемь я попыталась решить этот вопрос. Подошла к ней сама и спросила: «Мама, почему ты меня не любишь?» Вы знаете,

она так удивилась, будто не родная дочь с ней заговорила, а стол или стул. Спросила, кто разрешил ее беспокоить. Ну, я развернулась и ушла. Так мы с ней и разговаривали почти с тех пор. Папа переживал из-за этого, пытался что-то наладить, но у него времени на семью всегда не хватало, поэтому от его попыток толку не было.

– Это, конечно, странно, – сказала я, – но всякое бывает. Бывает, матери лупят детей и как только не измываются. А твоя, может быть, просто холодная женщина?

Настя ответила не сразу, обдумывая мои слова.

– Да нет, холодной женщиной ее никак не назовешь! Видели бы вы, как она с Виталиком ворковала и с другими мужиками... за папиной спиной. Вообще, она ненавидела только меня и папу. К остальным вполне ровно относилась.

– Папу? – переспросила я, немало удивившись.

– Да, папу. Думаю, его она ненавидела не меньше, чем меня, а может, и больше. Потому что меня хотя бы можно было сбегать с глаз долой, а его нужно было терпеть.

– А с папой у тебя какие отношения были?

– С папой... – снова в Настиных глазах заблестели слезы. – С папой очень хорошие. Хоть я его и мало видела, но было понятно почему. Он все время в делах, в работе, встречи, поездки... Но когда у него выдавалась минутка, он всегда старался со мной время провести. И даже если был в отъезде, по скайпу утром и вечером звонил, иногда просто два слова сказать: «Хорошего дня» и «Спокойной ночи».

Настя всхлипнула и вытерла слезы рукавом джемпера.

Я подала ей салфетки.

– А как к твоему папе остальные относились? Ну, там обслуга, подчиненные, друзья-приятели...

– Все относились к нему хорошо! Все, кроме нее, – пожалуй, слишком категорично заявила Настя.

– А в чем это у нее выражалось по отношению к отцу?

– На людях она держалась, как нормальный человек. Но стоило им оказаться без посторонних, сразу тон меняла, молчала, если спрашивал, отвечала нехотя. Ну, как сказать, в чем выражалось... Если тебя терпеть не могут, то выражают всем, чем могут...

С этим трудно было поспорить.

– Ну что ж, подведем итог, Настя, – резюмировала я. – Ты считаешь, что твоя мать убила твоего папу и подставила своего любовника – хорошего парня Виталия.

Девушка с прищуром посмотрела на меня, пытаюсь угадать, не иронизирую ли я. Но я было настроена по-деловому.

– Я уверена, что это не Виталик. И не только потому, что хорошо к нему отношусь. Ну не стал бы он так убивать папу, зачем ему брать ружье, он бы мог...

– Одним мизинцем, – перебила я ее, – это я уяснила.

– А она... думаю, она очень даже могла его застрелить, только ждала подходящего случая, чтобы было на кого вину свалить.

– А что Виталий говорит следователю?

– Он не признается ни в чем. Утверждает, что папа уже был убит, когда они приехали.

– Так... А мама?

– Она, представьте себе, говорит, что была подшофе после банкета, а потом на фоне шока толком ничего не помнит, в голове все помутилось. Мол, она задержалась в холле и, когда вошла в гостиную, Виталий уже стоял над телом папы. То есть напрямую не обвиняет, но все понятно.

– А что за ружье? Откуда оно взялось?

– Это папино охотничье ружье. Он охотой не увлекался, но, когда дарили, принимал. И в гостиной у него висит целая коллекция. Они все, конечно, незаряженные. Он же никогда не собирался из них стрелять. И патронов нет. Просто для интерьера висели вместе с саблями, рогами и всякой прочей фигней, которой у них принято украшать свои виллы. А тут вдруг ни с того ни с сего патроны нашлись и ружье зарядилось... Ну как это так?

Настя рассуждала очень зрело и логично, особенно для своего возраста.

– А следователи что по этому поводу говорят?

– Ой, у них все уже решено! Говорят, что, если он, Виталик, не раз бывал в коттедже, уже все вдоль и поперек изучил и мог заранее ружье зарядить...

– Так ружье было у Виталия в руках?

– В том-то и дело, что нет! Оно лежало на полу в гостиной, и отпечатки пальцев были все стерты. Следователь говорит,

что, если бы Виталий не держал ружье в руках, он не стал бы стирать все отпечатки, в том числе и папины.

– А мама, получается, вне подозрений?

– Ага! Чиста и невинна! Жертва обстоятельств. Затюканная мужем-миллионером...

– Ты сейчас тоже с ней не общаешься?

– Конечно, нет! Виделись на похоронах. Но я даже и не подходила. Она, кстати, съехала с нашей городской квартиры.

– Куда?

– Стала бы она мне говорить! Без понятия, куда.

– Ну, дальше Тарасова она не сможет уехать, пока следствие продолжается. Наверняка под подпиской о невыезде находится, – сказала я. – А номер ее сотового у тебя есть?

– Есть. – Настя вынула из кармана телефон.

– Погоди, может, еще какие-то контакты нужно будет скинуть.

– Вы мне поможете, Таня? – робко спросила Настя.

Видя, что я не спешу с ответом, она добавила:

– Я вам заплачу десять тысяч долларов, – и с этими словами вынула из другого кармана пачку стодолларовых купюр.

Увидев мое слегка растерянное лицо, она затараторила:

– Вы не подумайте ничего криминального! Это мои личные деньги.

Приятно, конечно, когда тебя умоляют взять десять тысяч баксов, но... Всегда откуда ни возьмись появляется это «но».

– Мой тариф гораздо скромнее, Настя. Тем более ты несовершеннолетняя.

– Эти деньги мне папа подарил на поступление в институт. Я не собиралась их тратить, лежали в шкатулке без дела. Возьмите! Пожалуйста!

Я согласилась взять половину из этой суммы, а оставшаяся часть она должна была мне заплатить после расследования.

Прежде чем отпустить Настю, я пробежалась по новостным сайтам. Мне надо было еще кое-что уточнить.

– Настя, а следователи никак не рассматривали версию о политическом убийстве? Ведь твой папа баллотировался в депутаты Заксобрания.

Настя отрицательно покачала головой:

– Вот, я же говорю, нашли козла отпущения. Единственный человек, который откупиться не может...

– Настя, – доверительно заговорила я, – что у тебя с этим Виталием?

Как я и ожидала, девушка несколько смутилась. Но быстро справилась с собой и бойко произнесла:

– Я люблю его, – и, с вызовом глядя мне в глаза, добавила: – И он меня тоже любит!

– Так любит, что встречается с твоей мамой? – стараясь говорить ласково, чтобы не задеть чувств жертвы первой любви, спросила я.

А сама подумала, не кроется ли в этом соперничестве та-

кая острая неприязнь к матери.

– Вы сейчас решите, что я из-за Виталика мать ненавижу, – прочла мои мысли Настя, – но это совсем-совсем не так! Про Виталика, если хотите, я вам сейчас все расскажу.

– Расскажи, пожалуйста, это очень важно для расследования.

– Виталий – по образованию айтишник. Когда мы познакомились, ему было двадцать два года, сейчас двадцать три. Он приходил к нам домой настраивать систему «Умный дом». Он в фирме «Миг» работает. Там какие-то заморочки были, поэтому он не один день к нам ходил. Настраивал, потом объяснял нам, как всем этим управлять. Он мне сразу понравился, но я тогда еще училась в школе, точнее, готовилась к ЕГЭ, а он мне показался уже взрослым, он уже закончил бакалавриат. Мы с ним быстро подружились. Я вообще люблю айтишников, хоть сама и гуманитарий. Вот и с Деном Бронниковым дружим с восьмого класса. Но Виталий совершенно другой. Он очень крутой разработчик, но еще спортсмен и хохмач к тому же! А внешность у него такая, что хоть сейчас в Голливуд можно.

Видимо, Настя заметила улыбку умиления, с которой я наблюдала за ее порозовевшим личиком.

– Вы не подумайте только, что я только из-за внешности в него влюбилась. Всегда терпеть не могла смазливых качков. Нет, Виталий очень умный и очень хороший.

– Я верю, Настя, продолжай – что дальше было?

– Ну вот, когда он закончил настраивать, мы обменялись контактами и договорились, что не будем теряться. Некоторое время так и было. Встречаться не встречались – мне экзамены надо было сдавать, но постоянно общались в сети. Он всегда интересовался, как у меня дела. Поднимал мне настроение, рассказывал, как будет круто стать студенткой... А потом вдруг исчез. Перестал появляться в соцсети, в мессенджерах не отвечал и сообщения не просматривал.

Настя вздохнула и глотнула из бутылки с водой.

– Я, естественно, навязываться не стала. Если не хочет общаться, то так тому и быть... Но через два с половиной месяца я вдруг его увидела... Он сел в машину к ней.

– К твоей маме?

– Ага! – Настя, бледнея от злости, заерзала в кресле. – И знаете, как ни в чем не бывало. Увидел меня и будто ничего особенного не произошло. Махнул так, как будто вчера расстались.

Девушка замолчала, погружившись в свои невеселые воспоминания.

– То есть получается, что твоя мама и Виталий стали любовниками?

– Ну да! Я сразу обо всем догадалась! Хотя она вела себя так, как будто ничего такого не происходит. По ней ничего ведь не поймешь. Ведет себя как Снежная королева – вся такая неприступная... Даже не потрудились мне объяснить, что он делает в ее машине. А я не стала сама спрашивать,

все равно ничего, кроме какой-нибудь гадости, я бы от нее не услышала.

– А ты пыталась с ним поговорить об этом?

Настя нехотя ответила:

– Да, я все-таки не выдержала и написала ему. Он молчал несколько дней. Потом все же ответил. Написал что-то вроде: «Ты очень хорошая, но мы не можем общаться...»

Настя снова умолкла. Я понимала, что ей трудно изливаться перед посторонним человеком самое болезненное, поэтому говорила очень мягко:

– Настя, я только одного не понимаю. Почему твоя мама не скрывала своих отношений с любовником? Ведь у вас такой серьезный папа. Если бы до него дошла информация об изменах жены, последствия были бы очень серьезные.

– Вы просто не знаете ее. Она всегда найдет, как отмазаться. Если бы я что-то такое папе брякнула, то в итоге сама осталась бы виноватой. Она и так, как чуть что, пыталась меня к психиатрам загнать, все время намекала, что у меня проблемы по этой части. Она на все способна. А папа к ней всегда хорошо относился, верил и почему-то всегда ее как будто жалел. Не знаю, почему... Он думал, она чуть ли не святая... И даже если он ее за руку поймал, она все равно ему мозги так запудрила бы, что он ей поверил.

Я внутренне засомневалась. Не похоже, чтобы один из самых влиятельных бизнесменов нашего города мог быть настолько наивен. Хотя... в семье многие проявляют себя не

так, как во внешнем мире. Как бы то ни было, с этим мне еще предстояло разобраться.

– Настя, а как ты сама думаешь, кроме твоей мамы, мог еще кто-то быть заинтересован в смерти папы? Он ведь в политику собрался податься. Там тоже свои интриги.

– Вы считаете, я такая глупая, что не задумывалась об этом? Но ведь он был убит в коттедже, когда застукал свою женушку с любовником. Как бы конкуренты смогли это дело так обставить?!

– Настя, я пока ничего не думаю. Я просто собираю информацию. Чем она будет подробнее, тем проще пойдет расследование. Никогда не надо исключать кого-либо из возможных виновников. Поверь моему опыту.

Настя кивнула, соглашаясь:

– Да, вам, конечно, виднее. Ден говорит, что вы очень крутая!

Признаюсь, мне польстил этот комплимент, тем более из уст такой неординарной личности, как Денис Бронников.

– Я более или менее поняла про маму и Виталия, – заговорила я со всей возможной убедительностью. – Давай попробуем от них абстрагироваться и припомнить другие вещи. Например, не заметила ли ты перемен в настроении или поведении твоего папы?

– Да, я об этом тоже думала, – призналась Настя, – может быть, мне показалось, ведь я его вижу по несколько минут в день, можно сказать. Он вроде бы какой-то грустный

стал. С виду был таким же, говорил, как обычно, свои привычные словечки, но голос был, как бы это сказать, угасший какой-то.

– Когда ты начала это замечать?

Настя старательно вспоминала.

– Наверное, осенью, месяца два назад. Я уже поступила, папа очень радовался тогда, гордился, что я все сама сделала, у меня ведь никогда даже репетиторов не было, – не без самодовольства проговорила девушка. – Он мне на поступление подарил деньги и сказал, что после первой сессии мы с ним обязательно куда-нибудь съездим. Хотя бы в Париж на выходные, он, мол, обязательно выкроит время. А потом как-то я спросила, как с поездкой, все ли в силе. А он так помрачнел резко, сказал, что очень постарается, но пока просит не обсуждать эту тему. Это не похоже на него, он всегда свои обещания выполнял, но я сделала, как он просил. Решила подождать, пока сдам сессию.

Теперь Настя уже не старалась скрыть своего горя, сил на это у нее не оставалось. Она закрыла лицо руками и заревела в голос.

Я молча поглаживала ее по спине, давая возможность излить свою боль. Потерять самого дорогого человека в семнадцать лет – это очень суровое испытание. Да и история с парнем по имени Виталий тоже добавляла девочке страданий.

Дождавшись, когда она успокоится, я пообещала, что немедленно займусь ее делом, вызвала ей такси и проводила

до машины.

Проводив Настю, я села за ноутбук. Нужно было детально ознакомиться со всеми подробностями убийства и как можно больше узнать о личности Андрея Павлова.

Официальная информация о происшедшем была скупой и довольно неопределенной. В целом она повторяла сказанное Настей.

Подозреваемым числился Виталий Суриков, предполагаемый любовник супруги покойного. Все сводилось к банальной бытовухе. Это совсем не вязалось с образом солидного предпринимателя, поднявшегося в лихие девяностые на продаже подержанных автомобилей.

Я внимательно изучала его фотографии. Он произвел на меня хорошее впечатление. Выражение лица живое, без печати величия и высокомерия, которая обычно отличает пресловутых «новых русских». Взгляд глубокий, вдумчивый, напомнил взгляд его дочери. Возраст – 53 года, но сохранился хорошо. Видно было, что не тратил здоровье на пьянки-гулянки.

Среди имущества значилось пять крупных автосалонов, СПА-отель и два ресторана. Из недвижимости – роскошная двухъярусная квартира в «тихом центре» Тарасова и загородный коттедж, километрах в семи от города в престижной лесной зоне. И никаких квартир за рубежом. Довольно скромно для предпринимателя таких масштабов.

В середине декабря, то есть через месяц после убийства,

должны были состояться выборы в депутаты Законодательного собрания Тарасова.

Павлов баллотировался впервые. Видимо, решил пойти по стопам других «новых русских» – заняться политикой. Совпадение или нет?

И еще обратил внимание на себя факт, что убийство состоялось в день юбилея его главного детища – фирмы «Авторай».

В совпадения я не верю, особенно когда их так много.

Страничка Павлова в «Фейсбуке» мало что дала.

Вел ее Андрей Анатольевич явно без души, для дела – ведь сейчас без странички ты вроде бы не полноценный член общества.

Фотографий немного. Все официозные. Из последних – фото Насти в форме выпускницы школы с комментарием «*Дочь выходит во взрослую жизнь*». Была парочка изображений жены, на совместных торжествах.

Впечатленная рассказами Насти, я ожидала увидеть роковую красавицу. Но женщина никак не подходила на эту роль. Вполне себе обычная, стандартно привлекательная и стандартно же ухоженная. Одета тоже очень нейтрально, без изюминки.

Я знаю такой тип людей – они усердно стараются вытесать на своих лицах маску непроницаемости, за которой невозможно разглядеть, что у них на душе и в мыслях. Этого добиться ох как непросто – нужна серьезная мотивация.

Зачем-то Марина Викторовна Павлова, сорока одного года от роду, так над собой поработала.

Ее странички в соцсетях тоже не порадовали информативностью, что в общем-то меня не удивило. Не будет такая персона демонстрировать свою жизнь окружающим.

Прощаясь с Настей, я выяснила, какой следователь занимается делом Павлова. Она дала мне номер его мобильного.

Самым правильным было начать расследование со встречи с ним. Наверняка он накопил гораздо больше, чем выдавали официальные сводки.

Я с ним ни разу не сталкивалась и потому решила обратиться за помощью к Кире – своему закадычному приятелю, несчетное количество раз выручавшему меня в самых разных делах.

– Киря, привет! – провозгласила я в трубку.

– О, какие люди! Ты уже на Сейшелах?

– Вообще-то на Карибах, – поправила я его, – но нет. Я тут в наших пенатах и по делу звоню.

– Опять трудового победил?

– Надеюсь, это временная победа, – засмеялась я, – одно дельце возникло. Вот звоню тебе, чтобы поскорее с ним разобраться и улететь туда, где весна бушует!

– Ну-ну... Свежо предание, – насмешливо сказал Киря, – что за дело, выкладывай.

– Ко мне обратилась дочка Андрея Павлова...

– Автокороля? – перебил меня Киря.

– Да, именно. Я согласилась ей помочь.

– Слушай, Танюш, дело-то деликатное, сама понимаешь.

Такая фигура крупная – тут легко не будет.

– А когда это я искала легких путей?

– Это точно! Ты всегда умудряешься вляпаться в самое пекло... Только я не знаю, чем могу помочь.

– Мне всего-навсего нужно, чтобы ты мне устроил встречу со следователем Олегом Романовичем Волковым, неформальную такую, чтобы без напрягов.

В трубке помолчали, помычали, потом вздохнули.

– О'кэй, это можно. Он следак приткий, на хорошем счету. Поэтому, наверное, ему и поручили это дело. Только предупреждаю, легко с ним не будет.

– Тебе повторить про легкие пути? – усмехнулась я.

– Ты неисправима, Таня! Ладно, сделаю, только с одним условием.

– Это еще с каким?! – возмутилась я.

– Как только закончишь это дело, сразу дуешь на свои Каробы, даже если папа римский к тебе обратится, ты его пошлешь и полетишь на отдых!

Я расхохоталась.

– С каких это пор такая забота обо мне? Неужели так плохо выгляжу?

– Выглядишь ты, как всегда, умопомрачительно, я это даже по голосу чувствую! Но краснеть перед Вероникой не хочу больше. Она мне, между прочим, писала, чтобы я повли-

ял, если ты опять соскочить попытаешься.

– Все-все, поняла и осознала! – стала оправдываться я, кляня про себя тот день, когда познакомила Веронику с Кирей. – Папу римского даже на порог не пушу.

– Ловлю на слове! Жди звонка. – Кирьянов отключился.

У Кири слово с делом не расходится, и спустя два часа я уже сидела в кафе неподалеку от следственного отдела Новоселковского района, прихлебывала кофе, наблюдая перед собой Олега Волкова – старшего следователя по особо важным делам.

Не нужно быть физиогномистом, чтобы распознать в этом человеке довольно мутного типчика.

Он добросовестно улыбался, буравя при этом меня настроженным взглядом водянисто-голубых глаз.

Понимая, что разговор предстоит непростой, я коротко изложила ему причину нашей встречи.

– Я правильно понял, вам нужна полная информация о деле Павлова?

– Абсолютно правильно.

– А почему вы считаете, что в официальных сводках неполная информация?

– Потому что это так, – ответила я, смягчая свои слова улыбкой.

Но Волкова мое обаяние не проняло. Типичный карьерист, он все мерил лишь мерками полезности-вредности для

своего служебного положения.

– Олег Романович, послушайте меня, пожалуйста, внимательно. Я взялась за это расследование, и это значит, что я доведу его до конца – с вашей помощью или без таковой. Уверена, что перед встречей вы навели обо мне справки и знаете о моей репутации. Если я взялась за дело, то уже не отступлюсь и докопаюсь до правды, несмотря ни на какие препоны. Вы ведь тоже заинтересованы в успешном расследовании, верно? Так вот, решайте, мы вместе с вами ведем это дело, и все лавры достаются вам, либо я веду его одна со всеми вытекающими последствиями.

Бесцветное лицо следователя слегка зарделось.

Разговор без обиняков для людей такого сорта настоящий шок. Они уютно себя чувствуют, когда думают, что имеют пространство для всяческих маневров. А тут его к стенке приперли...

– Звучит как ультиматум, – скривил губы Волков.

– Никакого ультиматума, Олег Романович, – я похлопала его по руке, дружески улыбаясь, – просто мне нужно как можно быстрее разобраться с этим делом. У меня, так сказать, горящий дедлайн. А вам разве не нужна лишняя галочка в послужном списке? Капитана дадут после такого дела, к гадалке не ходи.

Олег оказался более крепким орешком, чем я надеялась. Он припас свои тузы в рукаве и не собирался сдаваться, пока не выложит их.

– Так-то оно так, – протянул он, пряча свои мутные глазки в чашке в зеленом чаем, – но...

– Что «но»? – подняла я брови.

– К вам ведь Настя обратилась?

– Да.

– Но ей всего семнадцать лет. Она несовершеннолетняя. Вы на каких условиях с ней договор подписывали?

– Вот уж не думала, что такой перспективный следователь проявит столько формализма! На каких условиях я договариваюсь со своими клиентами – коммерческая тайна, охраняемая законодательством, – отрезала я. – Смотрите, Олег Романович, если мы сейчас с вами не приходим к консенсусу, я продолжаю расследование параллельно с вами. Это займет несколько больше времени, ведь вы уже провели собственное дознание. Но когда я разберусь и найду убийцу, ваш непосредственный руководитель, Виктор Иванович, мой давний знакомый, обязательно будет введен в курс дела. Ему станет известно, что я работала вопреки официальному следствию, а не благодаря ему. Виктор Иванович вряд ли будет доволен, что его сотрудники не так расторопны, как вольный частный детектив, не имеющий властных полномочий.

Я бессовестно блефовала. С полковником Виктором Черемшановым у меня ничего общего не было, но Волкову совсем не обязательно было об этом знать.

– В общем, Олег Романович, давайте дружить. Это пойдет

на пользу всем, – доверительно улыбалась я.

Бедняга маялся между амбициями и осторожностью. К тому же ему было не по себе от роли объекта психологического давления, которую я ему навязала. Привык сам «колоть» и «нагибать», а тут его обрабатывают. Я даже нечто вроде сочувствия к нему испытывала.

– Может, покурим? – предложила я, вынимая из сумки пачку сигарет.

– Аа... откуда... вы думаете...

– Олег, да от вас табачищем разит за три метра! У меня нюх, как у кошки.

Опять вранье беспринципное – мне Киря говорил, что Волков курит.

– Да я бросаю вообще-то, – проямлил следователь.

– Ох, мы все бросаем, – засмеялась я, набросила куртку и пошла к выходу из кафе с пачкой сигарет в руке.

На крыльце кафе мы подымили и пришли к взаимопониманию. Не зря индейцы трубку мира придумали. Есть в этом что-то сакральное.

Вскоре я сидела в кабинете Волкова и знакомилась с весьма интересными фактами.

Выяснилось, что незадолго до смерти Андрей Павлов привел в порядок все свои дела. А именно составил завещание, закрыл все долги и позаботился о будущем всех близких ему людей.

Список наследников был довольно обширным. Львиная доля – автосалоны, СПА-отель, два ресторана – отходила жене покойного Марине. Дочери предназначалась всего лишь одна небольшая фирма – ателье по пошиву чехлов для автомобильных сидений.

В завещание была включена некая Лада Мещерская, которая, по информации следователя, работала нянечкой в семье Павловых много лет назад. Ей полагалась сумма в тридцать тысяч долларов плюс ежемесячная выплата из личного фонда Павлова, ведение которого возлагалось на главного бухгалтера фирмы.

Интересно, с чего бы такая щедрость к бывшей домработнице? Хотя нет, нянечке.

Чутье подсказывало мне, что за этим кроется что-то личное. Однако анализ своих ощущений я решила отложить, а пока продолжала изучать завещание.

Приличная сумма отходила некоему Константину Калачеву – водителю Андрея Анатольевича, служившему ему почти десять лет. Не забыл Павлов упомянуть в завещании главного бухгалтера фирмы «Авторай» Алину Аркадьевну Левицкую. Ей, как и водителю, Павлов завещал по двадцать тысяч долларов. Упомянуты в завещании были еще несколько сотрудников фирмы, им отходило по три тысячи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.